

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В ВОСКРЕСЕНЬЕ 31го ОКТЯБРЯ С.Г.

В 7 Ч. ВЕЧ.

СОСТОИТСЯ ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦИЯ

ЧЛЕНА АКАДЕМИИ

Б.В.ФАРМАКОВСКОГО
«О ВАЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ
ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ»

вход свободный

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДЪЕЗД

ПРОШЛОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В ТРУДАХ ПЕТЕРБУРГСКИХ АРХЕОЛОГОВ
НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

(К 100-летию создания российской
академической археологии)

DOI: 31.600/978-5-85803-525-1
УДК 930.26(081)
ББК Т4я4

*Утверждено к печати Ученым советом Института истории материальной культуры
Российской академии наук*

Рецензенты:

доктор ист. наук Л. Б. Кирчо; доктор ист. наук, профессор А. Н. Киртичников

Ответственные редакторы:

доктор ист. наук Ю. А. Виноградов; доктор ист. наук С. А. Васильев; кандидат ист. наук К. Н. Степанова

П78 **Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии).** — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. — 420 с.: ил.

ISBN 978-5-85803-525-1

Коллективная монография является результатом трудов ведущих ученых Института истории материальной культуры РАН, отражающих основные результаты археологических исследований за прошедшее десятилетие. Она состоит из четырех глав. Серия статей первой из глав посвящена проблемам первоначального заселения территории нашей страны, что связано с новейшими археологическими открытиями на Кавказе, Таманском полуострове, в Крыму, а также в Арктике. Вторая глава охватывает широкий хронологический диапазон — от позднего каменного века до культур древних кочевников (сюнну). Важные проблемы изучения античной культуры Северного Причерноморья раскрыты в третьей главе на материалах раскопок на Таманском полуострове. Одна из статей посвящена участию ученых ИИМК РАН в изучении Пальмиры (Сирийская республика). Статьи, включенные в последнюю главу, характеризуют итоги археологического изучения Северо-Западной Руси, прежде всего двух важнейших городских центров этого региона — Старой Ладоги и Рюрикова городища.

Издание рассчитано на археологов и историков.

The Past of Humankind as seen by the Petersburg Archaeologists at the Dawn of the Millenium (to the Centennial of the Russian Academic Archaeology). — St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2019. — 420 p.: ill

The book represents a collection of papers written by the leading scholars of the Institute for the Material Culture History, thus reflecting main achievements in archaeological investigations during the last decade. The volume consists of four parts. The first part includes contributions devoted to the problems of the initial peopling of the territory of our country in the light of recent discoveries at the Caucasus, the Taman Peninsula, Crimea, and the Arctic. The second part embraces a huge time span from the Late Stone Age to the ancient nomadic cultures (Xiongnu). The third part deals with the Classical antiquities of the Northern Black Sea region based on the results of the excavations at the Taman Peninsula. One of the papers is devoted to the activities of the scholars of the Institute in the study of Palmyra (Syria). The last part consists of papers devoted to the archaeological study of the Northwestern Russia, especially the exploration of two important urban centers of the region: Staraya Ladoga and Rurik's Hillfort.

The book is oriented toward archaeologists and historians.

На первой странице обложки:

Афиша лекции Б. В. Фармаковского в РАИМК в 1920 г. (рисунок Г. С. Верейского)

ISBN 978-5-85803-525-1

9 785858 035251

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отмечая юбилей: к 100-летию российской академической археологии (В. А. Лапшин) 5

Глава I. В глубины доистории человечества

I.1. С. А. Кулаков. Достижения сотрудников ИИМК РАН в изучении палеолита Кавказа в конце XX — начале XXI века	9
I.2. Е. В. Белыева, В. П. Любин. Новые данные о первоначальном заселении Южного Кавказа (Результаты работ Армяно-Российской экспедиции, 2003–2018 гг.)	18
I.3. В. Е. Щелинский. Начало заселения первобытными людьми территории России: древнейшие раннепалеолитические стоянки Южного Приазовья	27
I.4. Н. К. Анисюткин, С. А. Кулаков. Новые данные о раннем палеолите Крыма	56
I.5. Л. Б. Вишняцкий, П. Е. Нехорошев, А. К. Очередной. Новые данные по хронологии среднего палеолита Восточной Европы (по результатам полевых исследований ИИМК РАН 1998–2018 гг.)	69
I.6. С. А. Васильев, А. В. Поляков, П. Б. Амзараков, Ю. В. Рыжов, Т. В. Корнева, Т. В. Сапелко, Г. Ф. Барышников, Н. Д. Бурова, Е. Ю. Гиря, Г. Ю. Ямских. Палеолитический человек в предгорьях Саян: стоянка Ирба 2 близ Курагино (Красноярский край)	83
I.7. В. В. Питулько. Гонка со временем: в поисках начального этапа освоения человеком Сибирской Арктики	103

Глава II. На просторах Евразии

II.1. О. В. Лозовская. Торфяниковая стоянка Замостье 2: некоторые итоги и перспективы исследований	139
II.2. Н. Н. Скакун, В. В. Терехина, Л. Лонго, И. Е. Пантюхина. Современные трасологические исследования в археологии	157
II.3. В. С. Бочкарев. К вопросу о периодизации памятников бронзового века юга Восточной Европы	166
II.4. Е. М. Колпаков, В. Я. Шумкин. Сокровища наскального искусства Российской Арктики	171
II.5. А. В. Поляков, И. П. Лазаретов. Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин	188
II.6. С. С. Миняев. Актуальные проблемы изучения сюнну	203

Глава III. Постигая классическое наследие

III.1. В. А. Горончаровский. Семибратнее городище (Лабрис) по данным раскопок Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2009 гг.	211
III.2. С. В. Кашаев. Грунтовый некрополь Артощенко-2 (V–II вв. до н. э.)	230
III.3. Ю. А. Виноградов. Священный участок античного поселения Артощенко-1	254
III.4. Н. Ф. Соловьёва, С. Л. Соловьёв, Е. К. Блохин, Э. Э. Казаков. Пальмира во времени и пространстве	271

Глава IV. Славяне, скандинавы и финны на Северо-Западе России

IV.1. В. А. Лапшин. Изучение Старой Ладogi: итоги и перспективы	289
IV.2. Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская. Рюриково городище — выдающийся археологический памятник Древней Руси	303
IV.3. И. И. Еремеев. К вопросу об аграрной скандинавской колонизации в Восточной Европе в раннем средневековье	324
IV.4. А. И. Сакса. Выборг — город на перекрестке истории	348
Литература	379
Список сокращений	417

CONTENTS

Celebrating the jubilee: to the Centennial of the Russian academic archaeology (*V. A. Lapshin*) 5

Chapter I. In the deep human prehistory

I.1. <i>S. A. Kulakov</i> . The achievements of the Institute for the Material Culture History in the study of the Paleolithic of Caucasus in the late 20 th — early 21 st centuries	9
I.2. <i>E. V. Belyaeva and V. P. Liubin</i> . New data on the initial human settlement of the Southern Caucasus (Results of the fieldwork of the Armenian-Russian expedition in 2003 to 2018)	18
I.3. <i>V. E. Shchelinsky</i> . The first human settlement of the territory of Russia: the oldest Early Paleolithic sites in the Southern Azov Sea shores	27
I.4. <i>N. K. Anisiutkin and S. A. Kulakov</i> . New data on the Early Paleolithic of Crimea	56
I.5. <i>L. B. Vishnyatsky, P. E. Nekhoroshev, and A. K. Ocherednoy</i> . New data on the chronology of the Middle Paleolithic of Eastern Europe (based on the results of fieldwork of the Institute for the Material Culture History in 1998 to 2018)	69
I.6. <i>S. A. Vasilyev, A. V. Polyakov, P. B. Amzarakov, Y. V. Ryzhov, T. V. Korneva, T. V. Sapelko, G. F. Baryshnikov, N. D. Burova, E. Y. Giryva, and G. Y. Yamskikh</i> . Paleolithic Man in the piedmonts of the Sayan Mountains: the site of Irba 2 near Kuragino (the Krasnoyarsk region)	83
I.7. <i>V. V. Pitulko</i> . In pursuit of the time: searching for the initial human settlement of the Siberian Arctic	103

Chapter II. In the vastness of Eurasia

II.1. <i>O. V. Lozovskaya</i> . The peatland site of Zamostje 2: some results and research perspectives	139
II.2. <i>N. N. Skakun, V. V. Terekhina, L. Longo, and I. E. Pantiukhina</i> . Contemporary use-wear studies in archaeology	157
II.3. <i>V. S. Bochkarev</i> . Considering the periodization of the Bronze Age of the Southern Eastern Europe	166
II.4. <i>E. M. Kolpakov and V. Ya. Shumkin</i> . Treasures of rock art in Russian Arctic	171
II.5. <i>A. V. Polyakov, I. P. Lazaretov</i> . Modern chronology of the Paleometal Ages of the Minusinsk Depressions	188
II.6. <i>S. S. Minyaev</i> . Contemporary problems in the study of Huns (Xiongnu)	203

Chapter III. Investigating Classical antiquities

III.1. <i>V. A. Goroncharovskiy</i> . The Semibratnee Hillfort (Labris) based on the data from the excavations of the Bosphorus expedition of the Institute for the Material Culture History in 2001 to 2009	211
III.2. <i>S. V. KashaeV</i> . The graveyard of Artiuschenko 2 (5 th to 2 nd centuries BC)	230
III.3. <i>Y. A. Vinogradov</i> . The sacred place of the antique settlement of Artiuschenko-1	254
III.4. <i>N. F. Solovieva, S. L. Soloviev, E. K. Blokhin, and E. E. Kazakov</i> . Palmira in time and space	271

Chapter IV. Slavs, Scandinavians and Finns in the Northwest Russia

IV.1. <i>V. A. Lapshin</i> . The study of Staraya Ladoga: achievements and perspectives	289
IV.2. <i>E. N. Nosov and N. V. Khvoschinskaya</i> . The Rurik's Hillfort, an outstanding archaeological site of the Ancient Rus'	303
IV.3. <i>I. I. Eremeev</i> . Considering the Scandinavian agricultural colonization in Eastern Europe in the Early Middle Ages	324
IV.4. <i>A. I. Saksa</i> . Vyborg, a city at the crossroads of history	348

References 379

List of abbreviations 417

II.1. ТОРФЯНИКОВАЯ СТОЯНКА ЗАМОСТЬЕ 2: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ*

О. В. Лозовская**

Аннотация. Изучение торфяниковых стоянок имеет длительную историю, которой более 200 лет. Особый интерес этих памятников состоит в том, что на них сохраняются такие редкие археологические источники, как обработанное дерево и другие растительные материалы, которые чрезвычайно широко использовались древним населением для создания жилищ, транспорта, хозяйственных сооружений и инвентаря. Среди такого рода стоянок на территории Европейской России одно из ключевых мест занимает Замостье 2 — многослойное озерное поселение позднего мезолита — среднего неолита. Богатый инвентарь, залегающий в четких стратиграфических условиях, обладает большим информационным потенциалом и служит базой для проведения разносторонних археологических и естественно-научных изысканий. Накопленные почти за 30 лет исследований данные, с одной стороны, позволили сформулировать ответы на некоторые проблемы развития материальной культуры и исторического процесса, с другой стороны — поставили ряд новых вопросов и конкретных задач, затрагиваемых в данной работе.

Ключевые слова: торфяниковые памятники, мезолит, неолит, Волго-Окское междуречье, Замостье 2, кремневая индустрия, костяной инвентарь, дерево и деревянные конструкции.

Введение. Торфяниковые стоянки исследуются уже более 200 лет. Изучение их имеет свои особенности, прежде всего в плане методики раскопок и интерпретации культурных слоев. Вместе с тем они дают возможность исследовать редко сохраняющиеся в других местах уникальные изделия из дерева и других растительных материалов, широко использовавшихся древним населением для создания жилищ, транспорта, хозяйственных сооружений и инвентаря. Происхождение большинства торфяниковых стоянок связано с существованием в прошлом обширных озер, которые привлекали древних охотников-рыболовов разнообразием доступных пищевых ресурсов. На севере Европы благоприятные условия для формирования подобных стоянок сложились еще в раннем голоцене в самом конце палеолита. Наиболее древние торфяниковые стоянки, такие как Стар Карр (Clark, 1954), датируются около 9 тыс. до н. э. В основном же они были распространены в течение мезолита — раннего металла.

Среди торфяниковых стоянок на территории Европейской части России одно из ключевых мест занимает Замостье 2 — многослойная озерная стоянка (поселение) позднего мезолита — среднего неолита. Богатый инвентарь этого памятника, залегающего в четких стратиграфических условиях, обладает большим информационным потенциалом и служит базой для проведения разносторонних археологических и естественно-научных изысканий. Накопленные почти за 30 лет исследований данные, с одной стороны, позволили сформулировать ответы на некоторые проблемы развития материальной культуры и исторического процесса в конце каменного века, с другой стороны, поставили ряд новых вопросов и конкретных задач, затрагиваемых в данной работе.

Расположение, этап исследования, общая характеристика памятника. Стоянка Замостье 2 расположена в бассейне Верхней Волги,

* Исследование проведено в рамках темы государственного задания ФНИГАН № 0184-2018-0006 «Производство и использование орудий труда в палеолите, неолите и эпоху бронзы (технологическое, трасологическое и экспериментальное изучение археологических материалов)» и при поддержке проектов РФФИ № 11-06-00090 а, 11-06-10030 к, 12-06-10013 к, 13-06-10007 к, 13-06-12057 офи-м, Proyecto I+D+I HAR 2008 — 04461/Hist Ministerio de ciencia e innovación, España 2009–2011 и Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника.

** Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Экспериментально-трасологическая лаборатория, Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: olozomastje@gmail.com

Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, Сергиев Посад, 141300, Россия.

на севере Московской области (Сергиево-Посадский р-н), в пойме реки Дубна, унаследовавшей рельеф крупного приледникового бассейна, от которого в настоящее время осталось небольшое озеро Заболотское, окруженное непроходимыми болотами. Мелиорация в конце 1920-х гг., в рамках которой проводилось спрямление русла болотной реки Дубна, разрушила культурные слои памятника, расположенные на дне современного ложа. Находки частично попали в отвалы по берегам канала, частично оказались разбросаны по дну, где перемещались течением и покрывались илом. Подъемный материал в реке находили на протяжении нескольких сот метров. Стоянка была локализована в 1989 г. раскопками В. М. Лозовского (*Лозовский, Лозовская*, 2013), возглавлявшего отряд Подмосквой экспедиции ИА РАН (тогда ИА АН СССР). Раскоп площадью 20 кв. м попал на прибрежный участок древнего поселения, где находились две оставленные в рабочем положении рыболовные верши и около 30 вбитых в землю вертикальных кольев (*Лозовский и др.*, 2013а). Верши были законсервированы. В 1990 г. к раскопу с вершами была сделана прирезка с юга площадью 42 кв. м и заложен новый раскоп 40 кв. м с северной стороны от него. В 1991 г. было полностью раскопано два участка, каждый по 20 кв. м, и сняты верхние слои с запада от раскопа с вершами (рис. 1: 2). За эти годы были также проведены комплексные палеоэкологические исследования, включающие палинологический, диатомовый и карплогический анализы (*Lozovski et al.*, 2014). Деревянные артефакты проходили консервацию в лабораториях Белорусского технологического института в Минске и Археологической службы кантона Фрибург, Швейцария (*Лозовская*, 2008).

Следующий этап полевых исследований в 1995–1998 и 2000 гг. в рамках экспедиции Сергиево-Посадского музея-заповедника (руководитель В. М. Лозовский) проводился на небольшом участке 20 кв. м, расположенном между раскопами 1990 и 1991 г. (*Лозовская, Лозовский*, 2018). Основной упор делался на тщательной фиксации находок и сборе максимально полной информации о заполнении культурных слоев, включая определение фрагментов древесины, костей рыб, семян растений и т. д. При содействии швейцарских коллег была начата программа по консервации обработанной древесины сахарозой (*Лозовская*, 2008).

Третий и последний на сегодняшний день этап раскопок стоянки в 2010–2011 и 2013 гг. был нацелен на решение проблем, связанных с методами рыбной ловли в позднем мезолите — раннем неолите и реконструкцией палеоландшафта на разных этапах существования озерного поселения. Совместной экспедицией ИИМК РАН и Сергиево-Посадского музея-заповедника (руководитель О. В. Лозовская) в сотрудничестве с коллегами из *Institución Milá y Fontanals del Consejo Superior de Investigaciones Científicas* (Барселона, Испания) и Государственного Эрмитажа были вскрыты верши 1989 г. и изучен прилегающий к ним участок 6 кв. м, на котором была найдена третья верша с веслом; проведены подводные исследования в рыболовной зоне древнего водоема, где была зачищена поверхность двух перегородок из лучин и верхушки 140 вертикальных кольев (*Лозовский и др.*, 2013а). Из двух разрезов были отобраны колонки образцов для пыльцевого, макроботанического, геохимического анализов и радиоуглеродного датирования.

В настоящее время раскопано 164 кв. м площади стоянки (рис. 1: 2), что составляет предположительно $1/3$ – $1/4$ сохранившейся площади поселения.

Мощность культурных отложений составляет чуть более 1 м. Стоянка многослойная и включает слои позднего и финального мезолита, раннего и среднего неолита в интервале от начала VII до конца V тыс. до н. э. Благодаря влажным условиям залегания в сапронелях, перекрытых озерными суглинками и торфами суббореального и более позднего времени, в нижних слоях хорошо сохранились изделия не только из кости и рога лося, но и дерева. В то же время в силу различных природных и поведенческих факторов слои характеризуются разной степенью насыщенности артефактами.

Инвентарь стоянки в настоящий момент насчитывает более 100 тыс. предметов, большинство из которых составляют фрагменты керамических сосудов и изделия из кремня. Костяной и роговой инвентарь состоит из более 10 тыс. изделий. Около 300 артефактов являются изделиями из дерева.

Стратиграфия. Стоянка Замостье 2 залегает в пачке озерно-болотных отложений голоценового времени. Общая протяженность изученных разрезов за 25 лет исследований (1989–2013) составила 35 м. Несмотря на общую схожесть в последовательности осадконакопления, существует ряд принципиально отличных на отдельных участках. Наиболее регулярный характер культурных отложений отмечен в средней части разреза, в то время как в южной (рядом с вершами) наблюдаются многочисленные нарушения — поднятие слоев, резкое изменение их мощности, выклинивание, затеки и т. д. Поэтому базовым является профиль раскопа 1995–2000 гг. (рис. 2: 3). Здесь выделяются две основные пачки

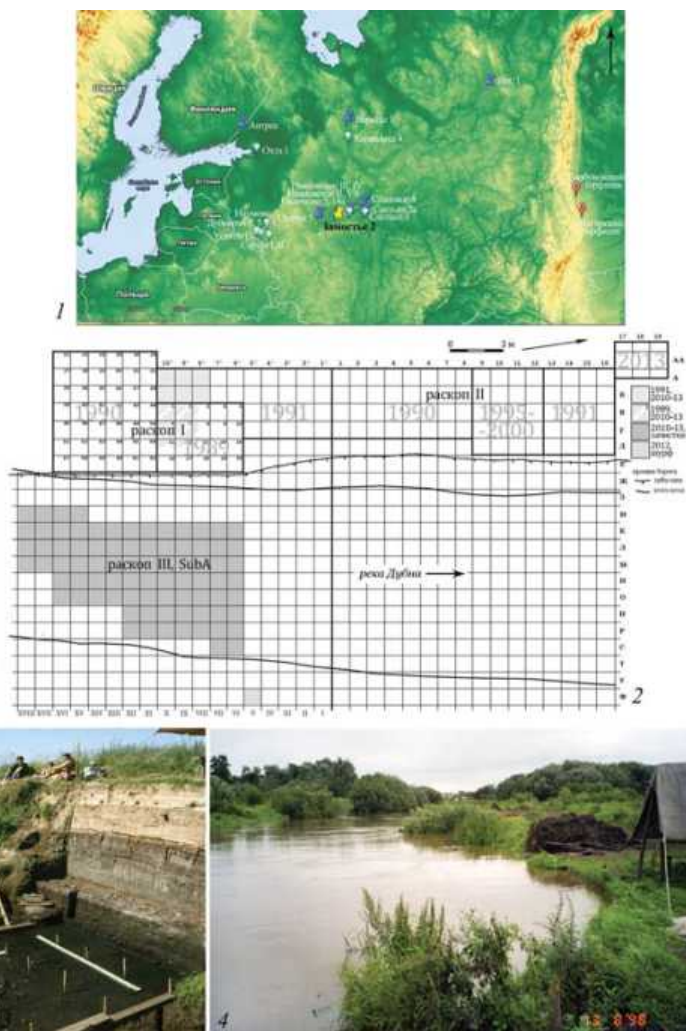

Рис. 1. 1 — Торфяниковые стоянки мезолита и неолита, упоминаемые в тексте; 2 — Схема раскопов на стоянке Замостье 2 в 1989–2013 гг.; 3 — Замостье 2, раскоп 1997 г.; 4 — Замостье 2, затопление раскопа в 1998 г. Фото и рисунок О. Лозовской

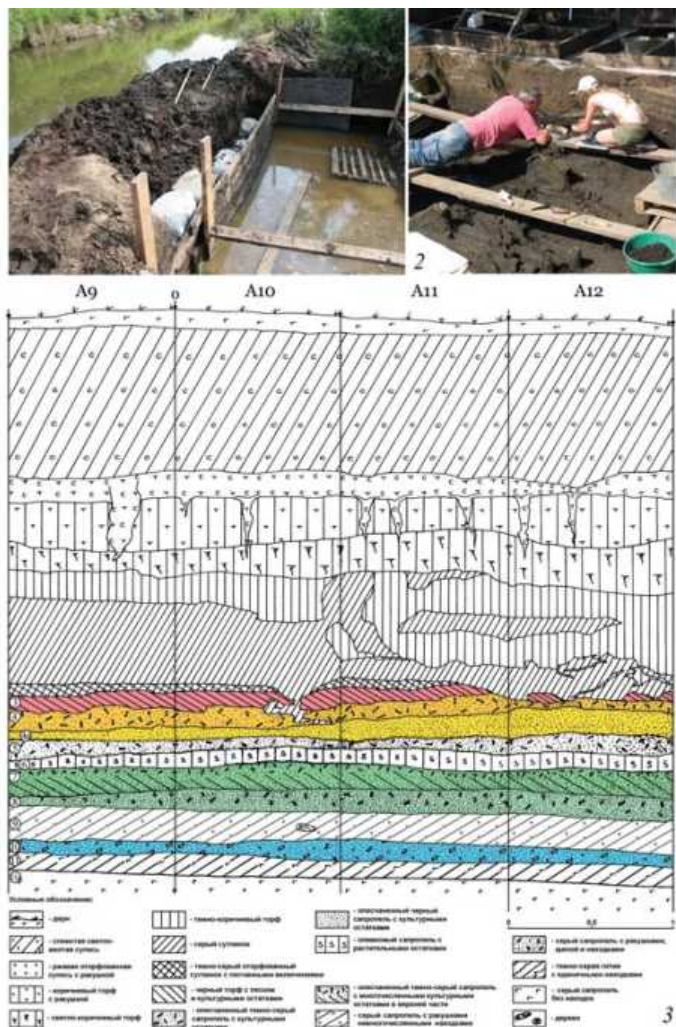

Рис. 2. Замостье 2:

1 — укрепление дамбы мешками с песком 2013 г.; 2 — процесс раскопки с использованием подвесных досок;

3 — стратиграфический разрез раскопа 1995–2000 гг. (западная стенка). Фото О. Лозовской, рисунок В. Лозовского

отложений — верхняя, современная, сложенная супесями, торфом и суглинком, и нижняя, сложенная сапропелями, находящимися в анаэробных условиях и имеющими щелочную среду, в которой залегают культурные остатки. В этой пачке выделено пять культурных слоев: нижний мезолитический слой, верхний мезолитический слой, слой финального мезолита, слой раннего неолита и слой среднего неолита. Общий разрез (сверху вниз):

0–0,07 м — дерн.

0,07–0,97 м — светло-желтая супесь, в верхней части слоистая; формирование связано с прочистками русла реки и современными паводками. Единичные находки из разных культурных слоев.

0,97–1,15 м — слой ржавой оторфованной супеси: нижняя граница неровная, затеки в нижележащий слой.

1,15–1,44 м — коричнево-бурый хорошо разложившийся торф слоистой структуры, с ожелезненными включениями, прорезан языками-затеками из вышележащего слоя.

1,44–1,60 м — светловато-коричневый торф, в нижней части с плохо разложившимися крупными древесными остатками.

1,60–1,73 м — темно-серо-коричневый торф с крупными линзами рыжего ракушечника, в которых содержится большое количество разновременных культурных остатков. Слой неоднороден, местами видны разрывы за счет поднятия нижележащего слоя. Калиброванные радиоуглеродные даты помещают формирование этой пачки торфянистых отложений в первую половину второго тысячелетия нашей эры (Lozovski et al., 2014; Лозовская, Лозовский, 2018).

1,73–2,30 м — серый плотный суглинок без находок, представлен однородной толщей мощностью 40–50 см, однако к северу он становится тоньше, разделяется на отдельные линзы, а в шурфе почти полностью замещается торфами. Формирование этого слоя датировано по пыльце суббореальной трансгрессией (Алешинская и др., 2001).

2,30–2,40 м — черно-коричневый хорошо разложившийся торф с песком, верхняя граница размыта, в северном шурфе отсутствует. Это остатки слоя льяловской культуры среднего неолита, исключительно насыщенного находками; многие из них залежали наклонно.

2,40–2,57 м — слой опесчаненного сапропеля темно-серого цвета, отличается обилием плохо разложившихся мелких растительных остатков, в т. ч. фрагментов коры, листьев, скорлупы лесных орехов, корешков и семян; щепка мелкая, обломки веток единичны. В заполнении много рыбьих костей. Со слоем связаны находки верхневолжской культуры раннего неолита. На глубине 2,50 м выделяется нижний горизонт слоя с горизонтальным залеганием находок, который рассматривается как жилища площадки. Он имеет черную окраску и содержит много мелкой чешуи, осколки крупных костей, угля и керамической крошки; на других участках он не выделяется. Возле вершей насыщенность слоя находками резко падает, а мощность возрастает. В менее выраженном виде то же самое наблюдается и в северном шурфе.

2,57–2,66 м — сапропель темно-серого цвета, опесчаненный, с мелкой дресвой. Много крупных углей, семян растений, рыбьих костей и чешуи, ракушек нет. Большое число веток в горизонтальном залегании, щепка мелкая и распределена равномерно по всей толще. Слой выражен также в северном шурфе, в южной части раскопа отсутствует. Находки немногочисленны. Это верхний горизонт слоя финального мезолита.

2,66–2,75 м — слой оливкового сапропеля с растительными остатками в виде остатков листьев и корешков; много фрагментов веток, крупных кусков коры, в т. ч. расчлещенных скоплениями. Отличается полным отсутствием печеных включений. Рассматривается как нижний горизонт финально-мезолитического слоя.

2,75–2,91 м и 2,91–3,01 м — два горизонта темно-серого сапропеля со щепой, фрагментами коры, обломками веток и другими растительными остатками, в нижнем горизонте насыщенность крупными фрагментами деревьев заметно выше. Много чешуи и костей рыб, мелких углей. Число песчаных включений заметно уменьшается внизу. Культурные остатки многочисленны, в кровле слоя плотность находок в горизонтальном залегании исключительно велика, что позволяет говорить о поверхности жилой площадки поселения. Это верхний мезолитический слой стоянки. В раскопе с вершами отмечаются резкие перепады слоя и участки размыта.

3,01–3,11 м — горизонт серого сапропеля с большим количеством мелких ракушек разной формы, в т. ч. целых, и крупной разрозненной щепой. Встречается немногочисленная, но крупная чешуя и целые кости рыб, отдельные древесные угли, корешки. Археологических находок немного, они отличаются отсутствием мелких фракций. Крупные фрагменты дерева (ветки, куски коры) встречены по всей территории раскопа.

3,11–3,26 м — темно-серый сапропель, сильно насыщенный древесной щепой и другими растительными остатками (кора, веточки, корешки). Встречаются крупная чешуя и рыбы кости, редкие крупные угли и разнообразные ракушки. Поверхность ровная по всей площади. В нижней части вдоль восточной границы раскопа начинается хаотичное скопление крупных фрагментов древесины, связанное, вероятно, с прибрежно-волновой деятельностью; скопление уходит в нижележащий слой. Количество культурных остатков возрастает. Этот нижний мезолитический слой.

3,26–3,36 м — сапропель серо-стального цвета, практически без растительных остатков, является кровлей мощного слоя озерной гитти светло-серого цвета. Поверхность слоя ровная и имеет слабый уклон в сторону реки (на восток). В верхней части содержатся редкие артефакты, проникшие из вышележащего культурного слоя.

Ниже отметки 3,36 м продолжаются отложения однородной серой гитти без каких-либо мелких включений, ниже появляется слабая слоистость.

Таким образом, на стоянке представлена последовательность культурных слоев на большом временном отрезке, который охватывает важный период культурных и технологических преобразований в древнем обществе, начиная с появления и распространения первой керамики, и менее очевидных преобразований в хозяйстве и производствах на фоне резких климатических изменений оптимума голоцена. Кроме того, достаточно четкая стратиграфия и изолированное залегание основных культурных слоев на большей части раскопанной площади позволяет с достаточной уверенностью рассматривать отдельные культурно-хронологические комплексы как характерные для соответствующей эпохи.

Культурно-типологическая атрибуция инвентаря. Каменные изделия. Кремневый инвентарь стоянки Замостье 2 насчитывает, по предварительным данным, более 50 тыс. изделий, частично включая микроинвентарь из промывки: в нижнем слое найдено более 4 тыс. изделий, в верхнем (без учета промывки) — почти 20 тыс., в слое финального мезолита — почти 7 тыс., а в раннеолитическом — чуть менее 15 тыс. изделий (с учетом промывки 1995 г.) (Лозовская, Лозовский, 2015б). Сырьем служил местный моренный кремль среднего качества темно-серых оттенков с рыхватым отливом. В ранне-неолитическом слое встречаются также изделия из темно-красного мелкозернистого мелового кремня. Для слоя среднего неолита наиболее характерен кремль серо-желто-коричневых цветов. Кремль характеризуется неоднородностью окраски, зернистости и степени пластичности внутри одного желвака. Для изготовления шлифованных тесел часто использовался серый кремнистый сланец.

Вопрос о культурной атрибуции кремневого комплекса стоянки является предметом дискуссий (см.: Гиря и др., 1997; Кольцов, Жилин, 1999; Лозовский и др., 2009; Лозовский, 2014). Попытки ряда авторов поставить его в один ряд с комплексами позднего этапа бутовской мезолитической культуры не учитывают, на наш взгляд, важных различий в производстве и конечном облике орудийного набора. Прежде всего, это касается доминирования отщепов в качестве заготовки для изготовления орудий во всех культурных слоях, что, кроме того, подчеркивает преемственность между материальной культурой позднего/финального мезолита и раннего неолита. Технологии специализированного пластинчатого производства здесь не прослеживаются, «чистые» пластины единичны, в то время как среди пластинчатых снятий преобладают краевые и сколы с пренуклеусов. Основная линия расщепления кремня связывается с изготовлением рубящих орудий и заготовок для шлифованных тесел (Гиря и др., 1997; Лозовский и др., 2009). В связи с этим показательны также низкий процент редуцирования карниза и полное отсутствие абразивной подправки. Известная обитателям Замостье 2 технология получения отжимных пластинок и микропластин не играла существенной роли в технологическом контексте и обеспечивала заготовками только наборные лезвия вкладышевых орудий. Категория микропластин с притупленным краем здесь отсутствует. В слое раннего неолита роль микропластинчатой техники еще больше ослабевает.

Орудийный набор также имеет свои специфические особенности по сравнению с синхронными памятниками бутовской культуры. Преобладающим типом орудий являются скребки, выполненные на отщепах и обломках, и комбинированные скребковидные орудия, которые мы в свое время называли «тип Замостье» (Лозовская, Лозовский, 2003). Для них характерно сочетание нескольких морфологических элементов (скребок, угловой или микроскребок, проколка, выемка, микрорезец), оформленных интенсивной крутой ретушью по периметру небольших отщепов или обломков. Достаточно разнообразны проколки: многие выполнены на нестандартных заготовках, с вытянутым острием, ретушированные жальца располагаются на углах сломов, естественных выступах или боковых лезвиях. Резцы, являющиеся важнейшим признаком бутовской культуры, единичны. Геометрические микролиты отсутствуют. Остальные категории бытовых орудий представлены сверлами, часто на крупных массивных пластинах, развертками, массивными скребловидными предметами и скобелами с вогнутым лез-

вием, пластинами с ретушью, а также бифасами и нуклеусами. Многие изделия имеют индивидуальные формы. Высокий процент микроинвентаря отражает производственную активность населения на стоянке, а большое число фасеток ретуши и других мелких сколов оформления и подправки орудий указывает на интенсивную модификацию краев орудий, что часто затрудняет их типологическую дифференциацию.

Несмотря на насыщенность производства на изготовление рубящих орудий, законченных или сломанных шлифованных тесел исключительно мало. С идентифицированными обломками их насчитывается 72 экз. Выборочный трасологический анализ подтвердил их использование для обтески дерева, иногда кости (*Лозовская*, 2009).

Существенных отличий в кремневом инвентаре между слоями не наблюдается. Заметны лишь изменения в формах наконечников. На смену мезолитическим удлиненным листовидным, в том числе с выделенным черешком, формам, с полукруглой ретушью со спинки и интенсивной подправкой обих концов с брюшка (*Лозовский*, 2014), в раннем неолите приходят новые ромбовидные и подтреугольные формы и более мелкие мезолитического облика наконечники (преemptивность!) с полностью ретушированной спинкой. Появляется также тонкие иволжистые бифасы. Последние получили широкое распространение в среднем неолите.

Подробный сравнительный анализ представленной индустрии с синхронными памятниками Волго-Окского междуречья привели В. М. Лозовского, много лет занимавшегося данной проблематикой (см., например: *Лозовский и др.*, 2009, *Лозовский*, 2014), к мысли о том, что в позднемезолитическое время велика возможность сосуществования населения с разной культурно-технологической традицией обработки камня в Верхневолжском бассейне. Определенные аналоги кремневой и каменной индустрии Замостья 2 он усматривает, в частности, среди памятников Валдайской возвышенности (Васьильево 1) и Вологодской области (Андозеро-М и др.). Насколько это вероятно, можно будет понять лишь проанализировав в одной системе координат технологические традиции основных памятников этого региона.

Изделия из кости. Костяная индустрия стоянки Замостье 2, включая изделия из рога лося и зубов различных животных, насчитывает около 8–10 тыс. предметов. Среди них не менее тысячи костяных отщепов от оббивки заготовок. Благодаря промывке седимента собрано также большое число сколов обновления с лезвий орудий.

В костяной индустрии между нижними и верхними слоями стоянки также четко прослеживается преemptивность. Она проявляется в идентичности таких категорий орудий, как проколки из грифельных костей, скошенные орудия 45°, ножи для скобления шкур и чистки рыбы из ребер лося (за исключением декора), тесла из рога лося (рис. 3: 11), орудия из челюстей лося для вытигивания сухожилий (рис. 3: 24), подвески из зубов животных (лось, хищники) и резцов бобра (единичны в нижнем слое) и орудия из нижних челюстей бобра (рис. 3: 5, 6). Отличия наблюдаются также только у нижнего слоя мезолита (*Лозовская*, *Лозовский*, 2015а). С другой стороны, ряд категорий инвентаря показали изменчивость во времени, которая могла быть связана с культурной идентификацией населения. В первую очередь это предметы «искусства» (зооморфные фигурки, орнаменты) (рис. 3: 2, 7, 13, 18, 23), которые связаны преимущественно с верхним слоем мезолита и слоями финального мезолита, рыболовные крючки (рис. 3: 1, 3–4, 14–16) и, наконец, орудия охоты (рис. 3: 8–10, 12, 17, 19, 20–22). Если наконечники копий/острог в целом имеют одинаковый разброс по форме острия, зубцов и оформлению насада, то среди наконечников стрел и зубчатых острий наблюдается определенная динамика, и для каждой эпохи характерны свои типы. Так, например, длинные игловидные наконечники с орнаментом и клювидные зубцы типичны для слоев мезолита (*Лозовская*, 2018). Мелкозубчатые острия (рис. 3: 21) и фигурные наконечники с 2–3 утолщениями (рис. 3: 11, 17) свойственны верхневолжскому слою раннего неолита, а массивные короткие гарпуны, игловидные наконечники с черешком лопаточкой (рис. 3: 22) и би-конические остроконечные наконечники стрел характеризуют льяловскую культуру среднего неолита (*Лозовская*, *Лозовский*, 2013). Вкладышевые орудия (рис. 3: 19), в т. ч. орнаментированные зигзагом наконечники стрел с длинным шипом, являются принадлежностью позднемезолитической эпохи.

Можно констатировать, что небольшие изменения фиксируются как между слоями позднего мезолита, так и при переходе к раннему и среднему неолиту. Важно, что затрагивает это в первую очередь орудия промысла — рыболовства и охоты, что косвенно указывает на изменившийся охотничий мир и существовавшие в то время промысловые практики.

Предварительный анализ технологий обработки кости и изготовления орудий показывает, что никаких существенных перемен при переходе к раннему неолиту не происходило (*Лозовский*, 2008). Основные приемы подготовки и фрагментации трубчатых (метаподий) и других костей лося, вырезание пазов, оббивка краев заготовок отбойником и т. д. прослеживаются на всех этапах существования

Рис. 3. Замостье 2. Орудия из рога и кости. Фото О. Лозовской

поселения. То же можно сказать о стадиях оформления и переоформления орудий из челюстей бобра (*Лозовская, Лозовский, 2015а*).

В 1990-х и в 2010-х гг. был проведен ряд исследований по функциональной интерпретации некоторых категорий костяных изделий, поскольку сохранность поверхности позволяет проводить детальные наблюдения. Так, скошенные орудия 45°, работавшие по дереву, предназначались, по всей видимости, для получения длинных тонких лучин из стволов сосны, которые имели особое значение в эпоху интенсификации рыбной ловли в конце позднего мезолита — в раннем неолите (*Maigrot et al., 2014*). Интересным является исследование Е. Ю. Гири по распознаванию зубов хищных рыб на костяных рыболовных крючках. Серия проведенных им экспериментов и трасологический анализ археологического материала И. Мэгро позволили предположить, что на крючки были пойманы, в частности, судак, окунь и сом (*Гирия и др., 2013*). Не менее важным было изучение функций ножей из ребер лоса, происходящих из верхнего слоя мезолита, которое привело к выводу о существовании двух типов сходных инструментов, использовавшихся для скобления шкур и для снятия чешуи и потрошения рыбы (*Кlemente Konte, Гирия, 2003*). Надо упомянуть еще уникальное орудие из панциря черепахи (*Emys orbicularis*) с зубчиками по краю, которые, как показали наблюдения Игнасио Клементе Конте, также использовались для обработки шкур (*Кlemente Konte, 2001*). Отдельные эксперименты проводились также с роговыми топорами/теслами, с орудиями из челюстей бобра и др. (*Lozovskaya, Lozovski, 2013*).

Место костяной индустрии стоянки среди памятников Волго-Окского междуречья можно определить как эталонное. Благодаря четкой стратиграфии есть возможность в деталях проследить эволюцию разных категорий и/или типов орудий (например, наконечников стрел или зубчатых острий; см.: *Лозовская, Лозовский, 2017*) в конце мезолита — начале неолита. Что касается ближайших аналогий, то сходство отдельных типов орудий позднего мезолита, в частности, среди наконечников метательного вооружения, наблюдается как на Дубненских поселениях (Окаемово 4, 5, Нушполь 11), так и более отдаленных Ивановских или Тверских стоянках (Ивановское 3, 7, Озерки 5, Сахтыш 2а и др.) (*Жилин, 2001; Лозовский, 1993, 2008*). С другой стороны, определенные черты сходства прослеживаются и с более северными памятниками круга Веретье 1 (*Ошубкина, 1997*) (например, наконечники с биконической головкой). В ранненеолитическое время дальнейшее развитие типов охотничьего вооружения приводит к стиранию локальных признаков и распространению сходных типов (например, фигурные наконечники стрел с тремя утолщениями) на всех памятниках с верхневолжской керамикой. Остальные типы костяных/роговых орудий (ножи из ребер, рубящие орудия из рога лоса, проколки, орудия 45° и из челюстей бобра, ранненеолитические крючки, заколки с наворачьями, пядески и т. д.) практически идентичны найденным на других поселениях Волго-Окского междуречья (*Жилин, 2001*). Немногочисленный костяной инвентарь льяловского горизонта среднего неолита стоянки Замостье 2, а также однокультурные комплексы региона показывают более существенные типологические изменения среди не только наконечников метательного вооружения, но и других категорий орудий.

Разнонаправленные векторы сходства для костяного и кремневого инвентаря, указывающие на разные технологические традиции населения, не являются, на наш взгляд, серьезным противоречием. Его устранение следует искать в социокультурных контактах и технологических влияниях, механизм которых до сих пор остается невыясненным, при очевидных подвижках населения, начавшихся в конце позднего мезолита и закончившихся адаптацией керамического производства, вероятно, сильно повлиявшего на мировоззрение и быт населения лесной зоны Восточной Европы.

Керамика. Мезолитические слои стоянки, включая горизонты, относящиеся к финальному мезолиту, не содержат фрагментов керамики, за исключением некоторых поврежденных участков в южной исследованной части памятника (в частности, среди кольяв рядом с вершинами, см.: *Лозовская, Лозовский, 2018, С. 91*). В то время как в ранненеолитическом слое найдено более 20 тысяч фрагментов верхневолжской керамики разных типов, которые условно подразделяются на три хронологических этапа (*Костыльёва, 1994*), что указывает на долговременный интерес населения к этому месту. С другой стороны, разделение этих этапов стратиграфически не представляется возможным, равно как и определение длительности отдельных посещений.

Этот керамический комплекс раннего неолита является объектом пристального изучения с типологической, технологической и хронологической точек зрения (*Лозовский и др., 2014; Мазуркевич и др., 2013, 2015; Медоуз и др., 2015*). Доминирующими типами на стоянке являются неорнаментированные фрагменты посуды (31,6 %, в основном стенки) и керамика с тычково-накольчатой (45,5 %) орнаментацией. Они традиционно относятся к раннему этапу верхневолжской культуры. Сосуды этих типов имели как приотсранные, так и плоские днища. Ко второму этапу относятся фрагменты, содержащие прочерченный орнамент. На Замостье 2 они составляют всего 0,4 %. Орнамент «ложношнуровой»

(в технике «отступающей лопаточки») и оттиски короткозубчатого штампа представлены соответственно 1,8 и 6,5 % фрагментов сосудов. С этими орнаментами найдены целые формы сосудов, восстановленные соответственно из двух развалов: один полностью покрыт оттисками короткозубчатого штампа, разделенными поясками овалных вдавлений; высота сосуда 30 см, диаметр 27–28 см. Второй с прореченным орнаментом в виде рядов треугольников и полос из наклонных линий, разделенных поясками и овалных вдавлений; высота сосуда 41 см, диаметр 37 см. Оба сосуда с пристранным дном. К позднему же этапу относятся черепки с оттисками длиннозубчатого штампа, которые составляют 3,8 % в чистом виде и еще 5,05 % в сочетании с накольчатым орнаментом и короткой гребенкой.

Гомогенность комплекса неорнаментированной посуды не подтвердилась результатами проведенных технологических исследований (*Мазуркевич и др.*, 2013; 2015). Было выявлено значительное типологическое разнообразие сосудов с учетом технологических и морфологических признаков, а также респектов формовочных масс. По крайней мере, несколько технологических традиций, находящихся аналогии в материалах Ракушечного Яра, ряда прикаспийских и средневолжских памятников, Днепродвинского междуречья, могли отражать разновременные контакты местного населения с новыми, пришлыми человеческими коллективами.

В слое раннего неолита (в раскопе 1995 г.) были также найдены восемь глиняных артефактов нестандартной формы. Один из них представляет собой четверть круглого диска толщиной 11,5 мм (рис. 4: 1), два других удлиненной и подокруглой с вдавленными формами напоминают фигурки с «защипами» (рис. 4: 4, 6); два цилиндрических фрагмента диаметром около 7 и 12 мм (рис. 4: 2, 3) и фигурная «ручка» с зооморфным навершием (рис. 4: 5). Наконец, последние два — это фрагмент «обмазки» (рис. 4: 8) и вогнутого предмета со скругленным краем и отчетливыми отпечатками пальцев (рис. 4: 9). Для стоянок раннего неолита подобные находки необычайно редки.

Керамический комплекс наиболее выразителен среди инвентаря среднего неолита. В некоторых случаях слой льяловской культуры определяется только по скоплению керамики. В общей сложности насчитывается более 30 тысяч фрагментов, которые также подразделяются на три хронологических периода (*Лозовский и др.*, 2015): первый — ранняя гребенчато-ямочная керамика (1,9 %) имеет плохую сохранность и омытую поверхность; второй — развитая льяловская керамика (34,4 %) отличается хорошей сохранностью и большим количеством пищевого нагара на стенках сосудов. Основной элемент орнамента — ямка конической формы, нанесенная белемнитом. Наиболее многочисленна группа с ямочно-гребенчатым орнаментом, но встречаются также черепки с полуданными отпечатками, вдавленными кости и т. д. Днища округло-остроножных очертаний. Позднельяловская керамика (третий этап) составляет 63,7 %. Стенки сосудов тонкие и прочные, изнутри часто покрыты нагаром. Характерные ямочные вдавления; наклоненные в профиль, составляют разнообразные композиции; другие виды орнаментации — оттиски гребенчатого штампа, пояска полуданных и кольцевидных отпечаток — немногочисленны. Такой комплекс является характерным для льяловских стоянок Волго-Окского междуречья.

Искусство. Изобразительная деятельность в целом является характерной чертой культуры населения лесной зоны Восточной Европы и Урала. Она неразрывно связывала в сознании людей мировоззрение и быт, проявляясь как в культовых атрибутах, так и в орнаментации повседневных предметов. В материалах стоянки Замостье 2 признаки изобразительной деятельности присутствуют во всех культурных слоях, включая слой среднего неолита. Однако пик приходится на конец позднего мезолита (т. е. верхний слой мезолита). При этом большое количество артефактов указывает на неординарное положение поселения в структуре первобытных племен.

Шесть основных форм изобразительной деятельности включали: гравированные камни, скульптурные изображения целых животных или их голов; стилизованные зооморфные образы в оформлении рукояточных частей орудий; геометрический орнамент разной степени сложности на поверхностях орудий (*Лозовский, 1997; Лозовская, 2018*), а также украшения в виде подвесок и декор глиняной посуды.

Гальки и камни — часто намеренно разбитые — с гравированным и/или прошифованным орнаментом насчитывают 94 экз. (все слои), это самая большая серия для этого периода в Восточной Европе. Неутилитарный характер изделий очевиден. Важен, на наш взгляд, факт существования этой категории культовых предметов на протяжении более тысячелетия, несмотря на ряд глобальных и разноплановых изменений в жизни общества.

Фигурки животных — двух уток, неопределимой птицы и змеи (рис. 5: 7), а также головы кабана и двух лосиноголовых наверший желлов (рис. 3: 7), выполненные из кости, рога и дерева, датируются поздним мезолитом. Обращает на себя внимание, что в дереве представлены не охотничьи объекты (лось и утинец), а редкая добыча (кабан) и хтоническое существо, не имевшее (?) хозяйственного применения (змея). Оба предмета не имеют аналогов.

Рис. 4. Замостье 2. Поделки из глины:

1–6, 8–9 — слой раннего неолита (верхневолжская культура); 7, 10 — смешанные слои. Фото О. Лозовской

Рис. 5. Замостье 2. Деревянный инвентарь и конструкции:

- 1 — кремневая пластина с берестяной обмоткой; 2 — полоз саней; 3 — весло; 4 — рыболовные верши (вид 2011 г.); 5 — планка с берестяной обмоткой; 6 — поплавок из-под верши; 7 — фигурка змеи; 8–9 — ложечки; 10–11 — конические поделки; 12 — заготовка ковша; 13 — муфта для тесла (фрагмент), 14 — наконечник дротика.
1, 3–4, 8–9 — ранний неолит; 2 — финальный мезолита; 5–7, 10–14 — поздний мезолит.

Фото О. Лозовской, кроме № 3 — фото Н. Васильевой

В свою очередь, «голова уточки» и «ушки» — сильно стилизованные зооморфные навершия ножей из ребер лося — имели широкое распространение среди населения Волго-Окского междуречья (Жилин, 2001). В Замостье 2 они представлены серией в 50 экз. Аналогичные навершия известны и на миниатюрных заколках (23 экз.), часто дополнительно украшенных зигзагом. Сопоставление объемных и плоских изображений животных на стоянке привели нас к выводу, что «ушки» отражают образ лося, а «уточка» могла быть объединена с образом змеи (Лозовская, 2018). В отличие от гравированных галек и фигурок животных ножи и заколки использовались в работе и получили множественные повреждения от износа.

Декорирование поверхностей также сопровождало многие категории инвентаря, но в первую очередь ножи, кинжалы (рис. 3: 23), наконечники стрел и копий, серпообразные орудия (рис. 3: 18) и т. д. Техника нанесения орнамента очень разнообразна — гравировка, скобление, рельефная резьба, поверхностные срезы с помощью реза бобра. Типы орнамента — от простых прямых и изогнутых линий, насечек, простой сетки, штриховки, зигзага, треугольников, «лесенок», «линий с ресничками» до сложных многокомпонентных композиций — могут быть и универсальными, и связанными с конкретным типом орудий. В этом направлении необходимы дополнительные углубленные исследования. Общее число изделий с орнаментом определить сложно из-за большого числа обломков и осколков, что опять-таки указывает на бытовое использование, по крайней мере, части декорированных изделий.

Деревянный инвентарь. Деградированная в воде древесина требует немедленной консервации. Из раскопок первых лет сохранилось всего 57 артефактов — 31 предмет был обработан по специальной методике в Минске, 10 законсервированы с помощью полиэтиленгликоля (и лиофилизации) во Фрибурге, 14 с разной степенью повреждений дошли без консервации. После начала использования автором в 1997 г. методики насыщения мокрой древесины сахарозой удалось сохранить 210 предметов (Лозовская, 2008). Это одно из самых крупных собраний деревянного инвентаря мезолитического-ранненеолитического времени (наравне с Веретьем I и торфяником Вис 1).

Большинство коллекции составляют мелкие колья и фрагменты неизвестного назначения. Тем не менее, хоть и немногочисленные, идентифицированные орудия уникальны и представляют собой чрезвычайно ценный источник информации о разных видах человеческой деятельности, скрытой от нас в случае неблагоприятных условий для сохранности органических материалов (т. е. на большинстве стоянок каменного века). Среди них имеется серия весел разных типов (Lozovskaya, Lozovski, 2016), все позднемезолитические, кроме одного, асимметричного, найденного среди лучин третьей верши (рис. 5: 3) (Лозовский и др., 2013а). Уникальны для мезолита Европейской России угловые рукоятки для крепления тесел (рис. 6: 2) (5 экз.) и две муфты-посредника для тесел/топоров (рис. 5: 13), которые сближают инвентарь Замостья 2 с кругом североамериканских стоянок среднего мезолита (Лозовская, 2009; 2012). Найденны также три поплавок из коры (рис. 5: 6), один из дерева, один целый биконический наконечник стрелы и фрагмент другого с тупым боевым концом, серия уплощенных острий (Лозовская, 2008). Уже упоминавшиеся выше фигурки змеи (рис. 5: 7), птички и головы кабана относятся к духовной сфере, равно как и две орнаментированные с двух сторон пластины и серия конических поделок (4) неясного назначения (рис. 5: 10, 11). В слое раннего неолита найден уникальный рыболовный крючок (фрагмент), что предполагает нестандартные методы рыбной ловли, и две маленькие ложки с фигурными ручками (рис. 5: 8, 9). В мезолитических слоях обнаружено блюдо и заготовка деревянного ковша (рис. 5: 12). Наконец, среди последних находок, консервация которых еще не завершена, — полоз саней с асимметричным гребнем и восемью прямоугольными отверстиями для продевания ремня (рис. 5: 2).

Для всего инвентаря был проведен технологический анализ и реконструированы некоторые технические приемы и методы обработки древесины и изготовления орудий (Lozovskaya, Lozovski, 2016). В частности, была отмечена повышенная роль тесла не только при первичном формировании, но и при отделе изделий. Почти для половины предметов были выполнены определения видовой принадлежности древесины (автор благодарит М. И. Колосову, Государственный Эрмитаж, А. М. Кулькова, Геомодель, СПбГУ и Археологическую Службу кантона Фрибург) (Ершова, Лозовская, 2018. С. 37), что позволило провести анализ стратегии выбора древесины древними обитателями стоянки. Эти же данные изменили и расширили наши представления о составе и расположении окружающих стоянку лесов.

Рыболовные сооружения. Помимо деревянного инвентаря, на стоянке Замостья 2 были найдены и исследованы рыболовные сооружения, которые включали комплекс из трех рыболовных ловушек-вершей (рис. 5: 4) в составе заграждений из вбитых в дно протоки кольев с забутковкой ветками (Лозовский и др., 2013а). Они датируются ранним неолитом. По нашему мнению, широкое распространение

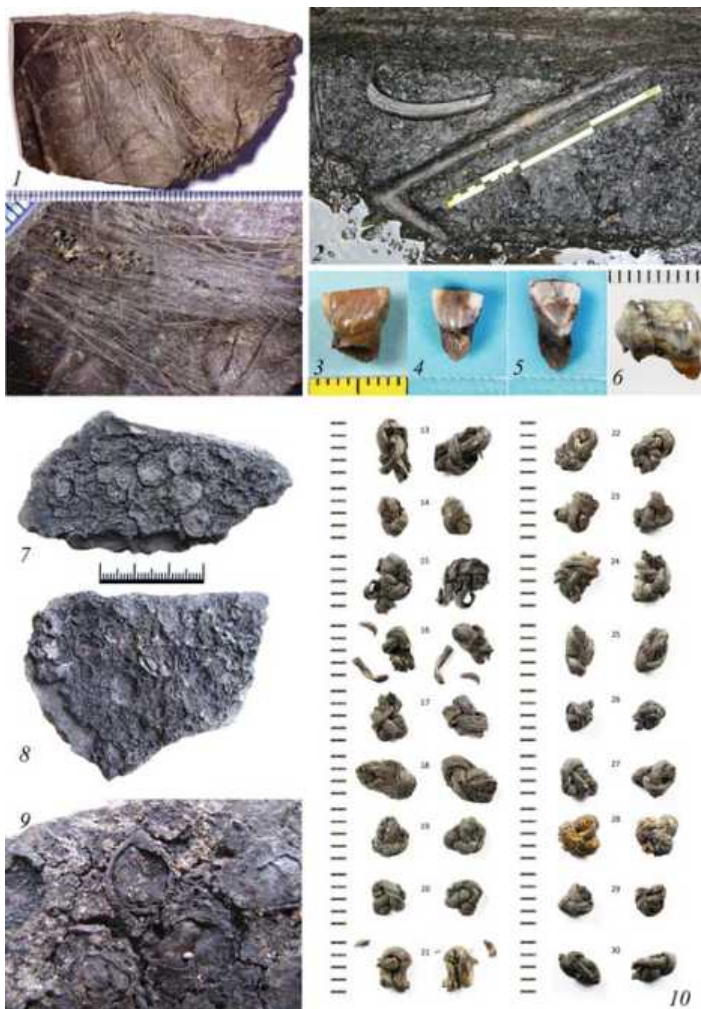

Рис. 6. Замостье 2:

1 — фрагмент черепа человека со следами скобления; 2 — угловая рукоять в слое, раскопки 2013 г.; 3–6 — молочные зубы человека (№ 19–22); 7–9 — керамика раннего неолита с нагаром и семенами калины; 10 — узелки от сетей (п. 13–30).
Фото О. Лозовской

этого способа пассивной рыбной ловли относится к самому концу мезолита — началу неолита лесной зоны и может быть связано с изменениями в популяции рыб (в частности, уменьшение размеров), которые фиксируются на многих стоянках Волго-Окского междуречья (Жилин, 2004; *Lozovski, Lozovskaya*, 2016).

Чуть дальше на юго-восток в подводной части стоянки были зафиксированы переносные перегородки, также из расщепленных лучин сосны, связанные в шести местах тесемками из стеблей камыша. Эти конструкции синхронны верхнему слою мезолита. Данное место использовалось и в среднем неолите: большая часть продатированных вертикальных кольев и в раскопе с вершинами, и в русле реки относилась именно ко времени бытования льяловской культуры. Однако в данном случае нельзя отвергать и версию свайных построек, поскольку никаких рыболовных конструкций этого периода пока не обнаружено. Всего на небольшой площади на дне Дубны было выявлено 140 кольев, образующих в том числе несколько прямых углов из коротких линий, параллельных между собой, для интерпретации которых нужны дополнительные подводные исследования и определение абсолютного возраста всех объектов. Цепочка кольев была зафиксирована также на крайне южном раскопанном участке (1990 г.). На остальной территории вертикальные колья встречались редко и конструкций не образовывали. Таким образом, участок стоянки вокруг вершей и в зоне скопления кольев может рассматриваться как хозяйственная зона прибрежного палеоводоёма в непосредственной близости от жилых площадок.

Хозяйство населения стоянки в позднем мезолите, раннем и среднем неолите было присваивающим, что характерно для всей лесной зоны Восточной Европы. Анализ фауны, проведенный Л. Шэ и Ш. Ледюк, указывает на доминирующую роль (в сумме до 90 %) лося и бобра (*Leduc, Chaix*, 2018) — животных, жизнь которых неразрывно связана с водоемами, при незначительном участии лесных зверей, в первую очередь пушных хищников (куница и барсук), а также единично кабана, медведя, северного оленя (каждый не более 1 %). Во всех слоях представлена собака (до 2 %), она также употреблялась в пищу. Эти данные сравнимы с другими поселениями региона (Жилин, 2004).

Большинство представленных на стоянке птиц, согласно данным К. Маннермаа, являлись обитателями прибрежных зарослей и болот — это утки, поганки, гагары, журавль, цапля, выпь, кулик и т. д. (*Маннермаа*, 2013). Из лесных лучше всего представлен глухарь. В слоях мезолита утиные заметно преобладают над остальными (на втором-третьем месте — поганки и глухарь), а в раннем неолите число утиных и фазановых сравнивается с тем, что свидетельствует об увеличении доли лесной охоты, вероятно, в зимний период. Большинство водоплавающих и болотных птиц являются мигрирующими.

Важнейшим источником питания была рыба. Судя по остаткам чешуи и рыбных костей, которых по приблизительным подсчетам не менее нескольких миллионов (по данным Л. Шэ), она являлась повседневной легкодоступной пищей не только для людей, но и для собак (копролиты). В верхних культурных слоях кости мелкие, реже средние, в нижнем мезолитическом слое попадаются очень крупные позвонки и чешуя. Ихтиологический анализ (В. Радю и Н. Десс-Берсе) был проведен по двум колонкам образцов и послойной промывке с одного квадрата (все из раскопа 1995–2000 гг.) для получения объективных данных для сравнительного анализа; это составило 14 361 экз. (*Радю, Десс-Берсе*, 2013). Всего было выявлено 11 таксонов, в полном объеме представленных только в нижнем слое. Среди них наибольший процент имеют щука, карповые (в т. ч. лещ, карась, язь, линь, уклейка и плотва) и окунь. Крупные особи сома и судака представлены только в нижнем слое. Кости ерша везде единичны. В слое, подстилающем вершину, где была найдена прослойка из тушек рыб в анатомическом порядке (включая чешую), напротив, остатки ерша наряду с окунем доминировали (*Lozovski, Lozovskaya*, 2016).

Для всех этих видов деятельности найден разнообразный инвентарь из кости и дерева, который дает представления о способах охоты и рыбной ловли (*Лозовский и др.*, 2013б). Утверждать же что-либо о приоритете того или иного вида деятельности, не представляется возможным. Для верхнего мезолитического слоя есть основания предполагать (сезонность, возраст охотничьей добычи), что поселение было круглогодичным.

Палеосреда. Выбор места поселения, бесспорно, свидетельствует о важной роли рыбной ловли. Однако нельзя забывать, что основные источники мяса и сырья для костяной индустрии — лось и бобр — также являются представителями данного биотопа.

Палеоэкологические исследования начались на стоянке с первого года раскопок, и сегодня накоплен уже достаточный материал для характеристики окружающей памятник природной среды. Итак, главным фактором существования поселения было обширное последледниковое озеро со слабопроточной водой за счет сети протоков, составлявших часть развитой озерной системы. Озера были богаты

рыбой, окрестные заросли — птицей. Согласно 3D модели в определенный момент поселение располагалось на мысе, глубоко вдающемся в озеро (Lozovski et al., 2014; Лозовская, Лозовский, 2018). Общая тенденция заключалась в постепенном обмелении и зарастании водоема, но изменения гидрорежима носили циклический характер (Алешинская и др., 2001). Нижний культурный слой мезолита формировался в условиях мелкого прибрежного бассейна или в очень короткие периоды регрессии. Верхний слой мезолита включал период очень низкой воды, на что указывает поведение слоя и его насыщенность в раскопе с вершами. Ранненеолитические верши на том же участке свидетельствуют о трансгрессивном периоде, при этом его начало, видимо, было довольно бурным. Возможно, эти события были связаны с резким глобальным похолоданием 8200 ВР и его последствиями (Ершова, Лозовская, 2018). Тем не менее во время существования льяловского поселения, совпавшего с наиболее теплым периодом голоцена, берега озера были уже сильно заболочены, и вода в районе поселения уже не была проточной (Кузькова, 2014; Ершова, 2013). Жизнь на стоянке прекратилась с началом суббореальной трансгрессии.

За время пребывания и активной деятельности человека на берегах палеозера окружающая его растительность претерпела заметные изменения. В первую очередь речь идет о постепенном распространении лесов и уменьшении открытых пространств, которые фиксируются по составу растений в момент первого заселения стоянки (Ершова, Лозовская, 2018). Основные редколесья на сухих возвышенных участках с постепенно разрастающимися широколиственными деревьями со спутниками перемежались с открытыми травяными сообществами, в то время как вдоль берегов водоемов появлялись тростниковые плавни, сплавины, формировались заболоченные березники, на песчаных берегах — ивняки и вязовники. Во время бытования поселения верхнего мезолитического слоя появляются первые черноольховые заросли, но также разнотравные луга и рудеральные сообщества, что также может свидетельствовать о понижении уровня воды и обмелении берегов. Финальный этап мезолита отмечен аномальным пиком пыльцы сосны в ущерб березе и ольхе. С начала неолита отмечается неуклонный рост доли черной ольхи, а берега озера постепенно зарастают лесами. Окончательно участки открытых травяных болот и лугов исчезли к началу среднего неолита, когда берега были полностью покрыты густым черноольховым лесом с небольшими включениями ели и мезофильных лесных трав. Таким образом, именно в период раннего неолита происходят самые заметные изменения ландшафта, которые могли повлиять на некоторые хозяйственной стратегии, прежде всего увеличения роли лесных пищевых ресурсов.

Современные исследования. На фоне относительной стабильности присваиваемого хозяйства среди населения лесной зоны Европейской России в мезолите — раннем и среднем неолите, отмечен ряд небольших изменений во всех сферах человеческой деятельности, и самыми значительными из них были технологические. И прежде всего следует отметить появление и быстрое распространение в среде охотников-собирателей-рыболовов сложившихся форм глиняной посуды и развитого керамического производства. Поэтому весьма актуальной в последние годы является проблема диеты первобытного человека и ее возможные сдвиги при появлении керамики. Подходы к решению этой проблемы предлагаются самые разные. В частности, к материалам стоянки Замостье 2 применяется целый ряд новых естественно-научных разработок, многие из которых находятся еще в стадии апробации.

Так, коллеги из Йоркского университета (Великобритания) проводят молекулярный и изотопный анализ липидов, извлеченных из образцов нагара (рис. 6: 7–9), и отдельно фрагментов сосудов из слоев раннего и среднего неолита — всего около 260 образцов (Bondetti et al., 2018; Крез и др., 2015). Для анализа используются два метода: газовой хроматографии — масс-спектрометрии и газовой хроматографии — изотопной масс-спектрометрии. На основании сопоставления полученных данных с показателями биомаркеров определяется характер материалов (пищи), которые обрабатывались в глиняной посуде — водные, наземные или растительные. Предварительные полученные результаты указывают на эволюцию и специализацию в использовании ресурсов на протяжении двух неолитических эпох.

Другой метод заключается в измерении стабильных изотопов ($\delta^{13}\text{C}$, $\delta^{15}\text{N}$) в коллагеновых экстрактах, полученных из образцов человеческих костей — в частности, пяти фрагментов изолированных черепов (рис. 6: 1) и одного — нижней челюсти (Meadows et al., 2018), все они датируются поздним мезолитом. Обработка результатов с помощью байесовского статистического метода позволила создать модель палеодиеты для всех изученных людей. В частности, вероятно, что основным источником энергии у всех была растительная пища, в то время как источником белка для одних служили наземные травоядные животные, для других — также рыба. Интерпретация этих данных требует дополнительных исследований и анализов.

Среди 22 единичных антропологических находок на поселении Замостье 2 несколько неожиданными выглядят шесть выпавших молочных зубов от разных детей (рис. 6: 3–6). Помимо археологических трактовок этого факта, большой интерес вызывает анализ палеопатологии (стертость, налеты) этих зубов и сравнительный анализ с другими зубами (четыре челюсти) этой небольшой коллекции. Исследования проводятся в сотрудничестве с коллегами из Музея антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого.

Наконец, об активном потреблении и в мезолите, и в раннем неолите растительной пищи говорят также некоторые результаты макроботанического анализа (*Berihuete, Лозовская, 2014; Berihuete, 2018*). Например, большое количество семян малины, калины и черемухи, найденных на стоянке, вдалеке от мест их произрастания, указывает на человеческий фактор. Плоды калины также часто различимы в нагаре на стенках сосудов (рис. 6: 7–9). Факт использования других плодов и клубней требует еще дополнительных подтверждений.

Хронология и проблема перехода от мезолита к неолиту по материалам стоянки. Вопросам хронологии позднего мезолита — раннего неолита в Восточной Европе в последнее время уделяется много внимания (например, коллективная монография: *Радиоуглеродная хронология, 2016*). Многослойное поселение Замостье 2, с четкой стратиграфией и большим спектром материалов для датирования, представляет несомненную ценность. На сегодняшний день для памятника получено 200 радиоуглеродных дат, в т. ч. 65 дат по сапрелю для датирования отложений (включая три колонки), 36 по нагару ранне- и средненеолитических сосудов, 83 по дереву в слое и в конструкциях, 7 по костям (шесть человеческих), а также древесному углю и растительным волокнам. Почти все неоднократно опубликованы (см., например: *Радиоуглеродная хронология... 2016. С. 182–202; Лозовская, Лозовский, 2018*). Большинство датировок в целом хорошо коррелируются друг с другом и с археологическим контекстом. Нижний слой мезолита приходится на интервал *ca. 6600–6500 cal BC*; верхний слой мезолита имеет широкие рамки — *ca. 6400–5900 cal BC*, но он достаточно мощный и состоит из двух горизонтов (*Лозовская, Лозовский, 2018*). Особо следует отметить, что этот отрезок времени включает в себя глобальное климатическое событие 8200 BP, влияние которого на историю местного населения пока неясно. Для последующих периодов — финального мезолита (выделенного лишь в 1996 г.) и раннего неолита, отличающегося появлением многочисленного керамического инвентаря, — проводились тщательные расчеты и корректировки (*Медоуз и др., 2015; Meadows et al., 2015*). Реш идет об анализе дат по нагару, которые в случае присутствия остатков водной пищи могут быть значительно удревнены. Датирование нагара и растительной веревочки из ремонтного отверстия показало разницу в 271 ± 69 ^{14}C лет (*Медоуз и др., 2015*). С помощью байесовской статистической модели хронологические рамки выглядят следующим образом: финальный мезолит — $5850–5700$ cal BC, ранний неолит на территории стоянки появляется ок. 5700 cal BC. Его продолжительность могла составить ок. 400 лет. Вопросы более раннего проникновения глиняной посуды в Волго-Окское междуречье, а также три даты сосудов в Замостье 2 (7030 ± 100 BP, 7105 ± 150 BP, 7537 ± 150 BP) противоречат общей хронологии памятника.

Временные рамки среднего неолита пока точно не определены, но не менее $4600–3900$ cal BC. Серия кольев в русле Дубны имеет возраст ок. $5100–4800$ cal BC, который, по нашему мнению, мог быть нижней границей среднего неолита.

Место стоянки в кругу синхронных памятников Европейской части России. Представленная краткая характеристика материалов стоянки Замостье 2 и результатов ее изучения показывает их большой потенциал для решения ряда узловых проблем позднего каменного века как Восточной Европы, так и Европы в целом.

Материалы Замостье 2 хорошо отражают общие процессы развития культуры в Волго-Окском междуречье в VII–V тыс. до н. э. Материальная культура эпохи мезолита, соответствующая нижнему и верхнему слоям стоянки, находит ряд параллелей в костяном инвентаре синхронных стоянок Дубненского, Озерского и Ивановского торфяников: Озерки 5, Окаево 5, Нушполы 11, Ивановское 3 и 7 и др., хотя и обладает в то же время многими самобытными чертами, прежде всего в силу многочисленности своего инвентаря. Существенные различия, которые наблюдаются в кремневой индустрии, должны быть еще раз подробно рассмотрены и проанализированы с учетом численности коллекций, специализации памятников, чистоты комплексов и т. д., с тем чтобы понять их природу и скоррелировать «родственные» связи. В верхневолжское ранне-неолитическое время различия еще больше нивелируются за счет стандартизации технологий изготовления наконечников стрел, рыболовных крючков, керамики и т. д. Льяловская культура среднего неолита имеет широкое распространение в бассейне Верхней Волги, и ее атрибуция для слоя среднего неолита на стоянке не подвергается никаким сомнениям.

Некоторые направления дальнейшего исследования стоянки и заключение. Информативный потенциал стоянки Замостья 2, принадлежащей охотникам-собираателям и рыбакам конца каменного века, далеко не исчерпан. Первоочередными задачами дальнейших исследований стоянки является выяснение максимально точной последовательности в развитии охотничьего вооружения, что очень важно для выработки надежной хронологии памятников Волго-Окского междуречья в период от мезолита до неолита. Возможно, это особенно актуально для эпохи неолита, поскольку существует реальная потребность в членении и верхневолжской, и льяловской археологических культур и синхронизации этапов развития керамики с другими категориями костяного и каменного инвентаря. Весьма важными остаются проблема реконструкции растительности на основе сопоставления разных категорий остатков (инвентаря, древесного угля, естественной древесины из слоя и т. д.), а также тафономические исследования с целью определения продолжительности существования поселения. Предметом дискуссий остаются также условия накопления отложений и археологизация предметов материальной культуры в анаэробных условиях. Продолжение исследований Замостья 2 внесет ясность в решение и этих вопросов.

Автор выражает крайнюю признательность Владимиру Михайловичу Лозовскому, открывателю и неутомимому исследователю стоянки Замостья 2, за бесценные материалы и блестящие идеи, а также всем коллегам из Санкт-Петербурга, Москвы, Сергиева-Посада, Минска, Барселоны, Женевы, Фрибурга, Парижа, Ниццы, Киля, Шлезвига, Штутгарта, Йорка, Хельсинки и Бухареста за их неоценимый вклад в изучение памятника.